

ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ ПРАВА В ЮРИДИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ

А. И. ОВЧИННИКОВ*

В работе анализируются философско-правовые аспекты юридической герменевтики, выявляется духовный смысл права в контексте герменевтической и коммуникативной парадигмы. Юридическую герменевтику не следует сводить к теории толкования текста права. С позиции герменевтико-феноменологической концепции права правовая реальность конструируется человеком в каждом акте его социального мышления. Таким образом, в герменевтической парадигме правовое мышление уже не рассматривается как отражение внешней человеку социально-правовой действительности, в которой субъект познания занимает пассивную роль, подавляя все субъективное, признающееся помехой объективному познанию, а представляется как конструирующая эту действительность активная мыследеятельность. Автор обращает внимание на то, что корни права — в духовной жизни личности, что без любви к ближнему, без жертвенности невозможны ни общение, ни правосознание. В герменевтическом контексте совершенно четко проявляется коммуникативная сущность права, делающего возможным социальное бытие человека, его сосуществование с другими людьми. Право заложено в определенном модуле человеческого бытия, точнее, бытия человеческой личности, когда оно стремится сбалансировать (уравновесить) свое поведение, следуя логике связей в обществе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: герменевтика права, правосознание, коммуникативная концепция права, философия права, правопонимание, сущность права, понятие права, познание права.

OVCHINNIKOV A. I. SPIRITUAL SIGNIFICANCE OF LAW IN LEGAL HERMENEUTICS
The article analyses philosophical and legal aspects of legal hermeneutics, reveals the spiritual significance of law in the context of a hermeneutical and communicative paradigm. The legal hermeneutics should not be reduced to the theory of interpretation of a text of law. From the standpoint of a hermeneutic-phenomenological concept of law, the legal reality is constructed by a person in every act of his\her social thinking. Thus, in the hermeneutic paradigm the legal thinking is no longer considered as a reflection of the external social and legal reality in which the subject of knowledge plays a passive role by suppressing all subjective which is considered to be an obstacle to objective knowledge, but rather seen as

* Овчинников Алексей Игоревич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории зарубежного и российского права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.

Ovchinnikov Aleksey Igorevich — Doctor of Law, Professor, Department of Theory and History of foreign and Russian law Vladivostok State University of Economics and Service.

E-mail: k_fp3@mail.ru

© Овчинников А. И., 2014

an active mental activity constructing this reality. The author emphasizes that the roots of law are in the spiritual life of the person, that neither dialogue, nor legal consciousness is impossible without the love for neighbours, without sacrifice. In the hermeneutic context the communicative essence of law is clearly manifested. It makes social existence of a person and his/her coexistence with other people possible. The law is inherent to a particular mode of human existence, or rather, existence of a human personality, when it seeks to balance (equalize) its behavior, following the logic of relations in a society.

KEYWORDS: hermeneutics of law, legal consciousness, communicative concept of law, philosophy of law, understanding of law, essence of law, concept of law, knowledge of law.

В современной науке юридическая герменевтика чаще всего воспринимается не как коммуникативная философия права, теория права или правопонимание, а как теория толкования права, наука постижения смысла права, прежде всего позитивного права.¹ Ранее мы уже предпринимали попытки освещения некоторых аспектов герменевтической парадигмы правового мышления,² поэтому хотелось бы еще раз вернуться к возможности ответа на вопрос о сущности права исходя из герменевтической философии.

Юридическая герменевтика как философско-правовая концепция восходит к философской герменевтике Хайдеггера, определившего «понимание» как основную форму человеческого существования, и Гадамера, развившего эту идею до философской методологии. «Понимаю, следовательно существую» — человек не просто существует, а существует постольку, поскольку понимает себя и окружающий мир. Отсюда «герменевтика» перестает быть банальным сводом правил интерпретации текстов и становится философским учением о человеке и истории. В его свете жизнь каждого человека — постоянный процесс понимания себя и Другого, своего опыта и экзистенции, а «горизонт понимания» определяется языком, внутри которого и с помощью которого это понимание происходит. Поэтому понимание по своей сути представляет собой творческий процесс применения общих усвоенных понятий, слов, смыслов к конкретному бытию. Жизнь, бытие представляются постоянным творческим пониманием мира, Других и себя в этом мире. Так как жить в обществе невозможно, не предпринимая усилий взаимопонимания, то в силу диалога с Другими достигается согласованная перспектива интерпретации и становится возможным общество, в котором важнейшую роль играет «слияние горизонтов» индивидуальных интерпретаций, наличие общего смыслового поля, признаваемого за истину. Чем устойчивее слияние горизонтов, тем

¹ Козлихин И. Ю. Нетрадиционные подходы к правопониманию // Современные методы исследования в правоведении / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. Саратов, 2007. С. 52; Гаврилова Ю. А. Методологические проблемы изучения смыслового поля права // *Lex russica*. 2013. № 11. С. 1176–1183; Боруленков Ю. П. Об информационно-интерпретационной сущности юридического познания. Ч. 2. Интерпретация элемента формирования правовой позиции // *Российский следователь*. 2013. № 8. С. 8–13.

² Овчинников А. И. 1) Юридическая герменевтика как правопонимание // *Правоведение*. 2004. № 4. С. 160–164; 2) *Правовое мышление в герменевтической парадигме*. Ростов н/Д., 2002; 3) *Правовое мышление: теоретико-методологический анализ*. Ростов н/Д., 2003.

стабильнее и крепче общество, поэтому именно традиция является фундаментом общества. В этом герменевтика близка консервативному правовому мышлению, начало которому положили Э. Берк, Ж. де Местр, Г. Гуго, Ф. Савиньи, Г. Ф. Пухта.

Напомним основной постулат герменевтики: понимание любого результата человеческой деятельности опирается на предпонимание, так как догадка, гипотеза о смысле поступка, фрагмента текста, статьи и т. п. необходимы для начала процесса постижения смысла. Предпонимание — это определяемая традицией предпосылка понимания, поэтому оно должно выступать одним из условий понимания. Совокупность предрассудков и «предсуждений», обусловленных традицией, составляет то, что Гадамер называет «горизонтом понимания». Из этих рассуждений философской герменевтики следует ряд выводов для философии и теории права.

В связи с тем что право является социальным феноменом, принадлежит социальной реальности, методология его исследования должна опираться на современные достижения методологии социальных наук. С позиции герменевтико-феноменологической концепции общества социальная реальность конструируется человеком в каждом акте его социального мышления. Таким образом, в герменевтической парадигме правовое мышление уже не рассматривается как отражение внешней человеку социально-правовой действительности, в которой субъект познания занимает пассивную роль, подавляя все субъективное, признающееся помехой объективному познанию, а представляется как конструирующая эту действительность активная мыследеятельность.

В герменевтической парадигме эмоционально-волевая, чувственная сфера, сознание, мышление, природа человека, его понятия и представления рассматриваются как социокультурная переменная. «Человеческой природы» не существует в смысле некоего биологически фиксированного субстрата или некоторой предзаданности в развитии человека. Человек конструирует свою собственную природу, или, проще говоря, создает самого себя.³

Социокультурно определены и правопонимание, и правосознание, и само право. Однако здесь существует эпистемологическая проблема. Если интерпретация права не имеет универсальной значимости, если оно ограничено цивилизационно-культурными границами языка и ментальности, то общего понятия права не существует. А если существует, то примерно в таком виде: «Право — совокупность норм и ценностей, признаваемых в обществе в качестве общеобязательных». Приблизительно такое определение дает и А. В. Поляков: «Право можно определить как основанный на социально признанных и общеобязательных нормах коммуникативный порядок отношений, участники которого взаимодействуют путем реализации своих прав и обязанностей».⁴

Противники герменевтико-феноменологической парадигмы настаивают на том, что позиция «право — это то, что о нем говорят» ведет к субъективизму и ценностному релятивизму, который затем выливается в произвол правоприменителя.⁵ В самом деле, казалось бы, если правовое познание и юридическая наука — выражение особого склада и характера народа, ментально-правовых, мировоззренческих взглядов той или иной

³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 84.

⁴ Поляков А. В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004. С. 296–297.

⁵ Сырых В. М. Герменевтический круг как методологический тупик // Современные методы исследования в правоведении. С. 213–216.

эпохи, культуры, цивилизации, а «горизонт понимания», «жизненный мир», ценностная позиция ученого, его научные и обыденные интересы, его желаемое право выступают до конца никогда не осознаваемым контекстом интерпретации и познания правовой жизни общества, то общее понятие права, научное познание права, универсальное для различных культур и эпох, становится невозможным. Однако это не так. Природа права в том смысле объективна, в каком объективны человеческое общение и взаимопонимание. Корни права — в заложенном в каждого человека духе общности с другими людьми, высшим проявлением которого является жертвенная любовь к ближнему.

Понимание возможно только там, где есть отказ от некоторой части своей субъективности. Одна из характерных онтологических черт личности заключается в потенциальной готовности выйти за пределы своей природы, отказаться от ее части. Согласно В. Н. Лосскому, «общение человеческих личностей становится возможным лишь как выход (“экстаз”) за собственные пределы: выход навстречу Богу и выход навстречу ближнему. И поэтому узнать Бога как Личность и человека как личность можно, только оказавшись в “сфере личного” — в общении, в сопряжении личностных действий. Но это же значит, что общение возможно лишь на основе личностной самоумаляющей жертвы, а также борьбы с хаосом и иллюзией собственно-эгоистического обладания, собственной самодостаточности».⁶

Понимание Другого, общение с ним возможны только в ситуации осознанного умаления Себя, своего Я, снисхождения к жизненному миру Другого человека. В православии такое снисхождение называется смиреннымудрием, или смирением. Именно смирение лежит в основе правосознания человека, который смиряется перед некоей совокупностью норм, договором, правом Другого. Но смирение является еще и первым шагом на пути к духовному совершенству, на вершине которого — жертвенная Любовь к ближнему, явленная миру Иисусом Христом. Как справедливо подчеркивает А. В. Поляков, «лишь любовь лежит в основе подлинной человеческой коммуникации».⁷

Исходя из духовной укорененности права понятен постоянный поиск высшего права, вечного права, идеального права. Трудно принять мысль о том, что право — всего лишь продукт воли суверена или «минимума нравственности», что право исчезнет, как только не станет государства и его принуждения, как только в обществе воцарятся нравственный мир, любовь и гармония. Тем самым праву приписывается какой-то низший по отношению к нравственности уровень значимости. Однако право связано с пониманием человеческой свободы, уважением к личности, признанием Другого. Ведь истинная свобода возможна только тогда, когда человек смиряется и перестает быть рабом своих страстей — сребролюбия, тщеславия, зависти, гордости. Это понимание связи права с личностью и свободой характерно именно для христианства.

В Ветхом Завете отражен союз, основанный на договоре, а также верность союзу и договору, обосновывающему единство между Богом и народом и между индивидами, образующими народ. Получается «общественный договор», обосновывающий союз, договор, входящий в правовые отношения и Бога, подобный договору римского народа с Цезарем. Но

⁶ Цит. по: Рожковский В. Б. Парадокс умаления человека в православной мысли. Ростов н/Д., 2013. С. 121.

⁷ Поляков А. В. Общая теория права. С. 373.

ведь Завет понимается и как Закон, договор предполагает некое равенство сторон. Какое может быть равенство между Творцом и тварью?! Можно предположить, что Творец вступает в правоотношение с тварью, и между ними, по слову Иоанна Дамаскина, «бесконечное расстояние», потому что Человек еще не был готов к святости, необходимой для подлинных отношений с Богом, соразмерных его Величию и Славе. Образец этой святости появляется только после подвига Христа, и человек может достигнуть ее только в сознании этой святости через Святое Причастие.

Ветхозаветный человек мог понять только язык юридический: «ты мне — я тебе», «преступление — наказание». Постигнуть высоту единения с Богом в ветхозаветные времена человек еще не мог. Не мог человек осознать и то уважение к человеку-твари со стороны Творца, отношение Бога к человеческой свободе, праву на выбор, которое становится видимым после появления Нового Завета. Мария могла свободно согласиться или отказаться от предложения стать Богородицей, и вся длительная, сложная и полная взлетов и падений человеческого общества ветхозаветная история мира зависела от этого свободного ответа человека. «Смирненное согласие Девы позволило Слову стать плотью».⁸ Бог предпочел терпеть ветхозаветное общество, но не нарушать принцип свободного выбора человеком Спасения. Иными словами, Бог признаёт за человеком свободу его ценностного поиска, не говоря уже о праве человека на ошибку.

Здесь уместно вспомнить о том, что одно время центральным моментом всякого права и правоотношения считался момент признания. Традиция понимания права как признания теоретически оформилась в философии права Гегеля. «Будь лицом и уважай других в качестве лиц»⁹ — вот гегелевская формула абстрактного права, права в самом общем смысле слова. Иными словами, признавай себя в качестве свободного, а следовательно, и ответственного человека, самостоятельно выбирающего и предпочитающего ценности и признающего Другого.

Признание является конститутивным моментом, фундаментом, принципом правосознания. Именно на этот момент указывал И. А. Ильин: «Человеку невозможно не иметь правосознания; его имеет каждый, кто сознает, что, кроме него, на свете есть другие люди».¹⁰ Как видим, и здесь подчеркивается момент обусловленности поступков фактом существования других носителей ценностей, точнее, актами признания себя и Других в качестве правоспособных субъектов. Подобно Н. Н. Алексееву, который различает правового и морального субъекта на основе совершения актов признания, более чем полвека спустя один из крупнейших философов второй половины XX в., основатель одного из современных герменевтических направлений Поль Рикер рассматривает в качестве одной из основных характеристик субъекта права его способность признавать и быть признанным.¹¹

Первым шагом в коммуникации с Другим является признание его инаковости. Так же и право: прежде чем соотнести свое поведение с каким-либо правом, его ценность необходимо для начала признать.

⁸ Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие. М., 1991. С. 260.

⁹ Гегель Г. В. Ф. Философия права. М., 1990. С. 98.

¹⁰ Ильин И. А. О сущности правосознания // Ильин И. А. Философия права. Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 78.

¹¹ Рикер П. Торжество языка над насилием. Герменевтический подход к философии права // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 29.

Признание оказывается единой ступенью и в понимании Другого, в общении с ним и в правоотношении с Другим. Однако признание — еще и необходимый элемент бескорыстной любви к ближнему.

Любовь без признания и уважения к Другому превращается в диктатуру любви. Не случайно в рассказе «Детство хозяина» французского философа Ж. П. Сартра образ матери из-за слепой, всепоглощающей материнской любви приобретает негативный оттенок. Примерно та же мысль лежит в основе другого рассказа Сартра — «Спальня». Любящий эгоистично завладевает жизнью любимого, сам того не замечая. Любовь без уважения, без признания отрицает свободу, и зачастую отношения между двумя любящими людьми становятся отталкивающими вследствие полного отсутствия осторожности в отношении к чужому характеру. Чтобы, любя другого, не поработать его и не потерять своей индивидуальности, надо соблюдать некую дистанцию.

Прекрасной иллюстрацией неразрывности признания и любви может служить Семья — Малая Церковь. Несмотря на отношения жертвенной любви, которые необходимо должны присутствовать в семье, дети и родители обладают каждый своим статусом: отец и мать пользуются особым авторитетом и признанием, что дает им право требовать реализации своей воли; дети, особенно с возрастом, несмотря на любовь родителей, должны приобретать права и пользоваться своим достоинством, самоопределением, самостоятельностью — этими основными элементами права. Н. Н. Алексеев справедливо подчеркивает: «Возникшая на этой основе область отношений не противоречит нравственным отношениям любви, не устраняет любви, но начинает жить наряду с ней своей собственной самостоятельной жизнью».¹² От себя добавим, что эта область — не область этического минимума (А. Шопенгауэр, В. Соловьев и др.), но сфера самостоятельной жизни определенных ценностей. Поэтому без признания чистая любовь невозможна. Правовые акты как акты признания являются неотъемлемым моментом любви к ближнему.

Творец мира признает за тварью право на свободу выбора ценностей, их расположение в иерархической зависимости. Только Всемогущий и Всесовершенный Бог может осуществить «акт признания» полноценно, так как человек признает право другого исходя из самых различных мотивов, всегда несовершенных и ограниченных. Поэтому право человека как мера возможного поведения лица, признание за другим его права, уважение к другому — элементы, а не ступени духовного совершенства, к которому призывает Господь Иисус Христос. Право — не продукт европейской культуры, а имманентный человеку и мирозданию модус бытия.

Безусловно, правовое развитие личности не имеет прямого влияния на христианское совершенство человека. Но из этого вовсе не следует, что духовное совершенство человека не имеет отношения к праву. Когда Христос говорил, что Он пришел не нарушить закон, а исполнить, это имело и такой смысл, что Он не явился специально бороться с тогдашним порядком и что Господь, нисколько не стремясь укрепить его, считался с ним и подчинялся ему, более того заповедовал быть покорным властям, показав людям пример смирения, которого так часто не хватает для исполнения и соблюдения правовых норм. Собственно говоря, грехопадение первочеловека Адама было совершено посредством нарушения правового запрета.

¹² Алексеев Н. Н. Основы философии права. СПб., 1999. С. 71.

В творчестве Ф. М. Достоевского особенно четко проявляется связь права с духовностью и признанием другого. Сущность права в его правовой концепции определяется взаимностью признания, а не императивностью предписаний. «Акцент, который делает Достоевский в описании ситуаций правового взаимодействия на переживании смыслов, обращенных к субъекту права, позволяет определить право как экзистенциальную коммуникацию, основанную на нравственном признании духовной ценности “другого” в качестве субъекта правового общения».¹³ Право в его концепции возможно лишь как признание духовной ценности Другого, так как без подобного признания право невозможно. Акт такого признания возможен только в процессе преодоления своего эгоизма и в сострадании к Другим. Любовь в этом случае не противопоставляется праву, а входит в сам акт признания, духовно оправдывая право.

Таким образом, выясняется, что и в основе права, и в основе общения, коммуникации лежит признание Другого. Признание Другого лежит и в основе смирения и Любви к ближнему. Без хотя бы некоторой доли смирения и любви к ближнему невозможно ни общение с Другим, ни правоотношение с ним, ни признание, а следовательно, и легитимность права и правопорядка.

В таком контексте совершенно четко проявляется коммуникативная сущность права, делающего возможным социальное бытие человека, его сосуществование с другими людьми. Право заложено в определенном модусе человеческого бытия, точнее, бытия человеческой личности, когда оно стремится сбалансировать (уравновесить) свое поведение, следуя логике связей в обществе. Согласовать свое поведение с другими людьми — означает смириться. Это стремление к согласованности индивидуального и социального заложено в фундаменте человеческого сознания и мышления, оно генерировало ход его становления в процессе социализации и развития индивидуального интеллекта, т. е. Личности.

Огромное влияние на генезис мышления оказывают общение, получение знаний, необходимость влиять на других людей, убеждать их, побуждать их к определенным действиям, способность понимать эти действия, — одним словом, коммуникация. Психология убеждает нас: причастность каждого человека к всеобщим формам интеллектуальной деятельности делает возможным становление индивидуального мышления и формирует способность быть членом человеческого общения, коммуникации.

Поэтому правовое мышление и сознание в своей основе имеют смирение и стремление к согласованности индивидуального смысла внешнего мира, внутренней целостности смысла с общезначимым, с мышлением других, т. е. стремление быть понятым. Формально выраженность эта материализуется в специфической цели правового мышления — согласовании интересов личности и социума. «Воля человека, которая соотносится с мыслями, решения, которые мы принимаем, считаясь с желаниями других людей, дают также ясно понять, что все наше духовное существование в корне социального характера».¹⁴ Не случайно человек, страдающий

¹³ *Днепровская И. В.* Духовно-нравственный смысл права в русской идеалистической философии второй половины XIX в. Автореф. дис. ... д. филос. н. СПб., 2011 (www.dissercat.com/content/dukhovno-nravstvennyi-smysl-prava-v-russkoi-idealicheskoi-filosofii-vtoroi-poloviny-xix-v#ixzz3DOWoXoPv (2014, 15 сент.)).

¹⁴ *Еллинек Г.* Социально-этическое значение правды, неправды и наказания. М., 1910. С. 12.

гордыней и тщеславием, эгоизмом, чаще всего оказывается одиноким и не способным к коммуникации, с неразвитым правосознанием.

Способность стать на иную точку зрения, считаться с интересами других людей, следовать социальным нормам, нормативная регуляция человеческой деятельности в целом все чаще рассматриваются в качестве фактора, обусловившего и обусловливающего становление человеческого мышления, логики и языка, т. е. личности.¹⁵ Например, в исследованиях Ж. Пиаже отмечается, что переход от стадии эгоцентризма детского мышления, на которой отсутствие умения различать точки зрения и координировать их обуславливает так называемый дооперациональный (грубо говоря, нелогичный) уровень мышления, к стадии логического мышления тесно связан с возможностью ребенка образовывать социальные отношения кооперации «признанием других «Я»», умением различать точки зрения других людей с одновременным осознанием собственной субъективности, т. е. с появлением рефлексии. «Ребенок стремится избежать противоречий из чувства обязанности перед другими».¹⁶ Можно сказать, что возможность мыслить мы имеем благодаря совершающемуся в детстве переходу от эгоцентризма к кооперации, от индивидуального к всеобщему.

Представляется, что отсюда совершенно по-новому видна укорененность права в индивидуальном сознании. Право является инструментом коммуникативного приспособления и согласования интересов: «Право заключается в том, чтобы с каждым в отдельности другой считался и обращался как со свободным лицом».¹⁷ В то же время отличие других от собственного «Я», которое является у Ж. Пиаже предварительным этапом координации и кооперации, невозможно без индивидуализации, без осознания собственного «права голоса», без дифференцированности между *ego* и *alter*.¹⁸ Не случайно Гегель связывал процесс становления человека мыслящего со способностью к рефлексии, рассматривая мышление как способ деятельности рефлексии. Когда ребенок говорит «Я», он начинает освобождаться «от своей погруженности во внешний мир и делается способным к рефлексии над самим собой».¹⁹ Этой рефлексии прежде всего подвергаются побуждения, т. е. естественные потребности и влечения, осознание которых дает возможность узнать и о том, что им противоположно, т. е. узнать социальные формы поведения и общения: понятия права, долга и т. д.

Тот, кто чрезмерно эгоистичен, не способен к коммуникации, к общественной и семейной жизни. Единственным критерием, являющимся для него руководством к действию, выступает принцип личной выгоды. Реализовывая себя, он стремится обрести только права и не желает иметь никаких обязанностей. Действуя эгоистично, т. е. односторонне, такой человек всегда нарушает гармонию социума и его законы. Не случайно корни многих психических болезней заключаются в эгоизации личности:

¹⁵ См., напр.: Дробницкий О. Г. Проблемы нравственности. М., 1977. С. 48; Анцыферова Л. И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. № 3. С. 5–17.

¹⁶ Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1994. С. 218–220.

¹⁷ Гегель Г. В. Ф. Философская пропедевтика // Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. Т. 2. М., 1973. С. 36.

¹⁸ Пиаже Ж. Избранные психологические труды. С. 219.

¹⁹ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. В 3 т. Т. 3. М., 1977. С. 85.

предельный эгоизм ведет к шизофрении.²⁰ Гегель показывает, что у такого человека изначально отсутствует способность к абстрагированию: он не может отделиться от самого себя, от своих желаний и взглянуть на то общее, которым соразмерно и относительно определяется его особенное.

Сходные идеи обнаруживает и К. Ясперс. Выделяя три уровня человеческого «Я», К. Ясперс в качестве второго уровня, следующего за первым — уровнем эмпирическим (эгоцентричным), называет уровень «сознания вообще».²¹ В качестве «сознания вообще» «Я» лишено своего эмпирического определения, отличающего на природном уровне одного индивида от другого; оно выступает как тождественное с любым другим «Я», являясь представителем сознания как такового, некоторого надиндивидуального начала, трансцендентальной субъективности, которая есть условие возможности объективного бытия, условие предметности вообще. Связь людей на уровне «сознания вообще» осуществляется через закон, который каждый признает в качестве справедливого. «Равенство всех перед законом — это лишь общественный эквивалент тождественности всех «Я» на уровне сознания вообще; формальное право и формальное равенство составляют содержание закона. По мысли Ясперса, коммуникация людей на основе права и коммуникация их как ученых в области научных исследований имеет одну и ту же предпосылку — единство «сознания вообще»».²²

Думается, это «сознание вообще» и лежит в основе «чувства всеобщего», а также в основе права, морали, общения, мышления. Интересна в этом смысле точка зрения Х.-Г. Гадамера, который считает, что применение к единичному случаю правила, имеющего общий характер, прежде всего применения нормы права, возможно только через «способность суждения». Его основой является «общее чувство» или «чувство всеобщего», которое рассматривается Х.-Г. Гадамером в произведении «Истина и метод».²³ Думаю, можно считать это «чувство всеобщего» проявлением образа Божьего в человеке, проявлением неявного осознания единства человеческого рода.

Таким образом, философско-правовое значение герменевтического подхода к праву приводит к мысли о том, что корни права — вовсе не в грехопадении человека, не в изначальной испорченности человека эгоизмом (в смысле принятия права как ограничения произвола или внешней свободы по И. Канту), а в духовной жизни личности, в природе мыслящего и коммуницирующего человека.

²⁰ Омкар А. С. Полет Лебеда. Системный подход к решению проблемы шизофрении // www.shizofreniya.org.ua/fly/russian/content.html (2014, 15 сент.).

²¹ Приводится по: Гайденок П. П. Прорыв к трансцендентному. Новая онтология XX века. М., 1997. С. 300.

²² Там же. С. 300–301.

²³ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / пер. с нем. М., 1988.